

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.17223/18137083/77/20

Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях

Людмила Алексеевна Ильина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Аннотация

Выявлены и объяснены особенности семантики и функций сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в текстах обрядовых песен ненецких шаманов, документированных Т. Лехтисало в начале XX в. и опубликованных им позднее с переводом на немецкий язык.

Установлено, что в текстах ненецких шаманских песен сохранилась древняя, диахронически ранняя семантика граммемы аудитива. Наряду с базовым значением – указание на слуховой источник информации – она включала два семантических компонента: 1) указание на невидимость ситуации, установленной только на слух, по ее акустическим признакам; 2) указание на особую интуицию камлающих шаманов, базирующуюся на приписываемых им сверхъестественных слуховых способностях.

Оба выделенных семантических компонента сакральны. Это дало основание предположить, что именно в сфере сакрального общения исторически возникла коммуникативная потребность, обусловившая грамматикализацию аудитивной семантики, существенно отличающейся от лексической семантики глаголов слухового восприятия.

Ключевые слова

самодийские языки, ненецкий язык, сенсорная эвиденциальность, грамматикализация, коммуникативная потребность, сакральная коммуникация

Для цитирования

Ильина Л. А. Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 263–275. DOI 10.17223/18137083/77/20

© Ильина Л. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 263–275
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 263–275

Semantic features of the sensory-evidential “auditive” grammeme in the Nenets shamanistic songs

Lyudmila A. Ilyina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Abstract

The specific semantic features and the functions of sensory evidential verbal “auditive” forms are identified and specified in Nenets shamanistic ritual songs documented by Toivo Lehtisalo at the beginning of the 20th century. The significant typological specificity of Samoyedic evidential systems is the availability of verbal forms marked by special morphological formants expressing sensory evidential meanings. The verbal forms in question, indicating an auditory, acoustic source of receiving the information being communicated, are traditionally termed as “auditive” in Samoyedic linguistics. The cognitive problem is that the particular grammatical meaning of the auditive that is basic in the diachronic levels documented, in fact, coincides with the lexical meaning of the Samoyedic verbs of auditory perception. When used in evidential utterances, they indicate an auditory source of information communicated in the same way as the auditive grammemes in their basic meaning. That is why, at the later stages documented, the Samoyedic “auditive” is assumed to be redundant archaism that is not based on any actual communicative demand but only depends on folklore tradition. Nenets shamanistic ritual song texts informatively documented by Toivo Lehtisalo offer linguistically fact-based, historical, and ethnological facts. These facts make it possible to assume that the Samoyedic “auditive” primarily was grammaticalized in the sacral sphere, and its diachronically earlier semantics reflected the specificity of sacral shamanistic performance ritual communication with invisible ghost helpers. Therefore, the diachronically earlier auditive semantics was specific and different from the lexical semantics of auditive perception verbs.

Keywords

Samoyed languages, Nenets language, sensory evidentiality, grammaticalization, communicative need, sacred communication

For citation

Ilyina L. A. Semantic features of the sensory-evidential “auditive” grammeme in the Nenets shamanistic songs. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 263–275. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/20

Введение. Постановка проблемы

Существенной типологической особенностью эвиденциальных систем самодийских языков является представленность в них глагольных форм со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения, т. е. указывающими на незрительные чувственные источники сообщаемой информации: слух, осязание, обоняние и др. В самодийских языках эти глагольные формы традиционно обозначаются термином «аудитив», поскольку в подавляющем большинстве документированных контекстов указывают на слуховой, акустический источник получения сообщаемой информации [Прокофьев, 1935, с. 69–70; 1937, с. 44].

Морфологические показатели аудитивных глагольных форм самодийских языков материально сходны (нен. =won(o)=, =mon(o)=; =wonon=, =monon=, =wanon=, =tanon=; энецк. =onô=, =monô=; нган. =mini=, =munu=; сельк. =kunã=, =kunj=)

и, вероятно, являются этимологически родственными [Кузнецова и др., 1980, с. 247].

Исследователями они обычно переводятся на русский язык с помощью слов ‘слыхать’, ‘слышно’, ‘слышится’ и т. п. [Прокофьев, 1935, с. 69; Вербов, 1973, с. 100; Терещенко, 1947, с. 224; 1973, с. 145; 1979, с. 220].

Для наглядной иллюстрации приведем несколько простых примеров употребления форм аудитива в самодийских языках: ненецком, энецком, нганасанском и селькупском:

(1) нен.

Тюкохйна то=вон=до’ (или *то=вонон=до*)

‘Они, **слыхать**, сюда **приехали**’. [Терещенко, 1973, с. 145]

(2) энецк.

Мезо” тахан тыа” дьзо=бну=зу’

‘За чумом олени **ходят = слыхать**’. [Там же, с. 145]

(3) нган.

Сьлычекүө туй=муну=цү

‘Кто-то **приехал=слыхать**’. [Там же, с. 146]

(4) сельк.

Матты туй=куны

‘К чуму **пришел=слыхать=он**’. [Там же, с. 146]

На сегодняшний день многие важные проблемы структуры и семантики самодийского аудитива, этимологии его показателей не ясны, дискуссионны и, следовательно, актуальны.

Отметим, что по формально-структурным признакам аудитивные формы северносамодийских языков должны трактоваться как инфинитные посессивные формы отглагольных имен, а селькупский аудитив – как форма финитного глагола. «По своей форме, – писал Г. Н. Прокофьев, – аудитив ненецкого языка (в отличие от аудитива селькупского языка) не является формой спряжения, а относится к отглагольным именным образованиям. Показателями действующего лица в формах аудитива являются суффиксы именительного и родительного падежей лично-притяжательного склонения» [1937, с. 44].

Но Г. Д. Вербов, опирающийся на материал лесного наречия ненецкого языка, описал форму аудитива только как генитивную по происхождению, не выделив номинативной по происхождению формы [1973, с. 100].

Н. М. Терещенко так же объяснила происхождение лично-числовых показателей нганасанского аудитива, связав их с соответствующими лично-притяжательными показателями для генитива [1979, с. 220–221].

Диктуемое формальной структурой северносамодийских аудитивных форм их этимологическое объяснение как отглагольных имен в генитиве лично-притяжательного склонения может означать выполнение ими в диахронии синтаксической роли определения по принадлежности в соответствующей аналитической конструкции. В таком случае ее второй определяемый компонент либо был утрачен, либо является невербальным и потому не выявлен лингвистами, вынужденными изучать самодийский песенный фольклор как прозаические тексты. Но именно определяемый компонент мог быть исходным носителем аудитивной се-

мантики, индуцированной в итоге первому, определяющему компоненту, т. е. современному аудитиву.

Эта гипотеза представляется значимой для решения дискуссионной проблемы происхождения показателей аудитива в самодийских языках. Но ее верификация требует специального исследования.

Проблемы семантики самодийского аудитива, которым посвящена данная статья, представляются не менее значимыми, сложными и дискуссионными, чем проблемы его формальной структуры и этимологии показателей.

Г. Н. Прокофьев писал: «Аудитивом выражается действие, установленное на основании его слышимости. Напр., сидя в чуме, можно заключить о приходе кого-либо по шагам, по слышимому голосу и т. п. На русский язык формы аудитива могут быть переводимы с помощью ‘слыхать’» [1937, с. 44].

Г. Д. Вербов также отмечал, что «аудитив выражает действие, которое говорящий устанавливает на основании акустических данных» [1973, с. 100].

Н. М. Терещенко, однако, отметив обозначение аудитивом действий, устанавливаемых на основе их слухового восприятия как базовое, выделила и другие семантические компоненты: «Сказуемое в этой форме употребляется для обозначения действий, воспринимаемых при помощи и других органов чувств (например, обоняния), для выражения чувства боли и пр.» [1973, с. 145].

С. И. Буркова, разделяя выводы А. Кюннапа [Künnap, 2002] о выражении аудитивом в энецком языке только значения действий, воспринимаемых на слух, пишет: «Аналогичное наблюдение сделали и мы, проанализировав довольно большой корпус текстов на ненецком языке. Поэтому мы, как и А. Кюннап, считаем, что форма *-вон / -вонон / -ванон / -мон / -монон / -манон* выражает только одно значение – указание на то, что информация получена путем слухового восприятия [Буркова, 2004, с. 363].

В. А. Плунгян, опираясь на анализ современных лингвотипологических знаний о грамматикализованной эвиденциальности, высказал сомнения в существовании сенсорно-эвиденциальной граммы, указывающей только на слуховое восприятие как источник информации, и в этой связи назвал традиционно используемый в самодистике термин «аудитив» неудачным [2011, с. 468–469].

Эти дискуссионные вопросы структуры и семантики самодийского аудитива предполагают дальнейшее исследование и обобщение.

Познавательная проблема видится также в том, что основное грамматическое значение аудитива, абсолютно доминирующее на документированных срезах, по сути совпадает с лексическим значением самодийских глаголов слухового восприятия. Употребляясь в эвиденциальных высказываниях, эти глаголы указывают на слуховой источник получения сообщаемой информации, как и граммы аудитива в основном значении. Поэтому на поздних документированных срезах самодийский аудитив предстает как избыточный архаизм, не опирающийся на какую-либо актуальную коммуникативную потребность, а лишь на фольклорную традицию.

Ключевые глаголы слухового восприятия самодийских языков являются этимологически тождественными, т. е. восходят к прасамодийскому языку [Janhunen, 1977, S. 49–50]. Следовательно, не только на документированных срезах, но и в обозримой диахронической ретроспективе как будто бы нет явной коммуникативной потребности в грамматикализации основного значения аудитива – «указание на слуховой источник сообщаемой информации».

Однако без наличия сильной и долговременно действующей коммуникативной потребности грамматикализация данного значения, как и любого другого лексического значения, невозможна.

Поэтому есть серьезные основания предполагать, что наблюдающаяся в самодийских языках практически полная функционально-семантическая аналогия основного грамматического значения аудитива и лексического значения глаголов слухового восприятия, употребляемых в эвиденциальной функции, – это относительно позднее языковое явление, сформировавшееся в процессе функционально-семантической эволюции аудитива и отсутствующее в диахроническом ретроспективе.

Задача данной статьи аргументированно выявить на материале наиболее архаичных текстов ненецкого традиционного фольклора, прежде всего текстов шаманских обрядовых песен, диахронически ранние семантические компоненты значения аудитива, существенно отличающие его от лексического значения глаголов слухового восприятия.

Сакральные компоненты в базовой семантике аудитива

В отечественной и зарубежной лингвотипологической литературе, посвященной категории эвиденциальности (засвидетельствованности), сенсорно-эвиденциальные глагольные формы, указывающие на незрительные чувственные источники информации, в том числе на слуховые, акустические, рассматривались главным образом на материале языков американских индейцев [Козинцева, 1994; Плунгян, 2011; Aikhenvald, 2004].

В Евразии сенсорно-эвиденциальные глагольные формы были до недавнего времени известны под термином «аудитив» только по материалам четырех самодийских языков: селькупского, ненецкого, энецкого, нганасанского. Но есть основания полагать, что в прошлом, в диахронии, грамматикализованная сенсорная эвиденциальность была и в других языках коренных этносов Северной Азии, особенно в языках, исторически связанных с древней культурой охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976]. Так, в архаичных текстах традиционного фольклора колымских юкагиrow, записанных В. И. Иохельсоном в конце XIX в., была выявлена грамматикализованная бивербальная аналитическая конструкция (форма), вспомогательный (грамматический) компонент которой выражает сенсорно-эвиденциальную семантику и восходит к основе глагола *módi=* (*médi=*) ‘быть слышным’, ‘слышать’, ‘звучать’. Эта юкагирская форма обозначается термином «аудитив», хотя ее грамматикализованная эвиденциальная семантика не ограничивается указанием на слуховой, акустический источник информации и даже, в отличие от самодийских аудитивных форм, может выходить за пределы незрительного чувственного восприятия, указывая на неотчетливое зрительное восприятие ситуации – издали, смутно, в сакральном сне [Ильина, 2010].

Морфологические показатели аудитива самодийских языков, в отличие от юкагирского аудитива, не имеют на документированных срезах сколько-нибудь прозрачной внутренней формы, не мотивированы в синхронии какими-либо полноточными словами. Но, вероятно, они так же, как и юкагирский показатель, генетически восходят к лексемам со значением слухового восприятия и / или звучания [Künnap, 2002]. В таком случае в самодийских, как и в юкагирских, языках генетически исходное значение граммы аудитива должно было обязательно включать указание на слуховой, акустический источник информации.

Но следует ли из этого, что, грамматикализовавшись в диахронической ретроспективе, данное значение аудитива было аналогично лексическим значениям глаголов слухового восприятия, употребленным в эвиденциальной функции?

Анализ употреблений аудитива в архаичных текстах ненецкого традиционного фольклора – эпических песнях и шаманских обрядовых песнях – позволяет предполагать, что грамматикализация аудитивной семантики была в диахронии обусловлена не обыденной коммуникативной потребностью указания на слуховой источник информации (она вполне удовлетворялась глаголами слухового восприятия), а коммуникативными потребностями сакральной сферы деятельности и общения. Это, во-первых, потребность четкого выделения в речи сообщений о невидимых ситуациях и противопоставлении их сообщениям о ситуациях, отчетливо видимых, что отражало в языке фундаментальную оппозицию древнего мифологического типа мышления – оппозицию видимого и невидимого; во-вторых, потребность в специальном указании на особые сверхъестественные слуховые (шире сенсорные) способности шаманов и других «посвященных» и противопоставлении их слуховым способностям обычных «непосвященных» людей.

Выделенные сакральные компоненты (созначения) базовой и диахронически ранней семантики аудитива – «указание на невидимость ситуации, установленной на слух, по ее акустическим признакам» и «указание на сакральный, сверхъестественный слух» – ниже дополнительно обосновываются теоретически и фактологически.

Оба диахронически ранних компонента (созначения) граммемы аудитива наиболее информативно представлены в документированных Т. Лехтисало в начале XX в. текстах ненецких шаманских обрядовых песен. Преимущественно они были записаны от информантов-имитаторов, воспроизводивших обрядовые песни высокостатусных шаманов, в том числе уже ушедших из жизни. Эти ненецкие песни были опубликованы Т. Лехтисало с переводом на немецкий язык [Lehtisalo, 1947, S. 469–546].

В приведенных ниже примерах сообщений ненецких шаманов представлен их перевод Т. Лехтисало на немецкий язык, но на русский язык они переведены нами с языка оригинала с сохранением порядка слов ненецких сообщений.

(5) нен.

Контекст. Ненецкий шаман высокого статуса, обращаясь в начале камлания к своим многочисленным духам-помощникам, призываемым им к участию в обряде, говорит:

šēñ ħeññāñ ħi” ħiññāññāñ ħi” šomṭaβāñ ħi” mā!ʹeñkaññā ħēdāmññ ħāèβ”ñāñ ħi” βīβr’ruidù” tō=ββāñōñ=tu” (прийти, прибыть=AUD=3PL).

Fhüher irgendwann, zur Zeit meines Gutwerdens (d.h. als ich Zauberer wurde), in meinem Traume ihr Rauschen **hörte man kommen**. [Ibid., S. 474]

‘В моем прошлом когда-то, когда я окончательно окреп (как шаман), в моем сне ваши шумы (звуки) **пришли=слышно**.’

Анализ этого сообщения позволяет сделать следующие выводы: 1) шаман получает непосредственную информацию о своих духах-помощниках не на основе зрительного восприятия, а на основе слухового восприятия акустических признаков духов-помощников, их звуков, «шумов»; 2) способностью слышать «шумы» духов-помощников шаман обладает не изначально, а приобретает ее в процессе своего обучения, «укрепления» в статусе шамана; 3) эту приобретенную способ-

ность, отличающую шамана от обычных «непосвященных» людей, он реализует только в особом состоянии – сакральном сне.

Таким образом, в примере (5) форма аудитива конечного предиката сообщения $t\acute{o}=\beta\beta a\eta\acute{o}\eta=ti$ ‘пришли=слышно=они многие’ одновременно указывает на невидимость ситуации, установленной шаманом только по ее акустическим признакам, и на сакральное сверхъестественное слуховое восприятие шамана.

Эти же два сакральных значения граммы аудитива кумулятивно выражены морфологическими показателями аудитивных форм и в других документированных Т. Лехтисало сообщениях ненецких шаманов о действиях и состояниях их духов-помощников. Даже речевые сообщения духов-помощников, цитируемые шаманом, вводятся речевыми глаголами в аудитивной форме, указывающей, что говорящий дух невидим, а его речь слышит только шаман, но не другие участники обряда.

Среди документированных Т. Лехтисало сообщений ненецких шаманов о действиях и состояниях их духов-помощников наиболее высокочастотны сообщения о прибытии духов-помощников, призванных шаманами для участия в обряде.

Приведенные ниже примеры употребления форм аудитива в таких сообщениях шамана призваны фактологически обосновать гипотезу о вероятной грамматикализации аудитива именно в шаманских обрядовых песнях.

Прежде всего обращает на себя внимание однотипность таких сообщений, их высокочастотность в обрядовых песнях, неоднократная повторяемость в каждом обряде и высокорегулярная воспроизводимость в долговременной исторической перспективе. Эти характеристики мы рассматриваем как важные условия грамматикализации аудитива.

(6) нен.

$j\acute{a}m\acute{i}\eta\eta\ \eta\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $f^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Erdalte, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Lehtisalo, 1947, S. 479].

‘Земля-мать, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(7) нен.

$\beta\acute{a}rk\acute{k}\acute{u}$ ‘ $\eta\acute{e}\acute{e}\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ’ ‘ $f^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Bärenmutter, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Мать медведей, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(8) нен.

$j\acute{a}\eta\acute{t}\ \acute{t}\acute{s}\acute{a}\ \eta\eta\acute{e}\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $f^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Meine Grossmutter von $j\acute{a}\eta\acute{t}\ \acute{t}\acute{s}\acute{a}\ \eta\eta\acute{e}$ **hörte man ihn kommen** [Ibid., S. 479].

‘Бабушка моя с мыса Оби **пришла=слышно**’.

(9) нен.

$k\acute{a}\acute{s}\acute{a}\delta\cdot m\eta\acute{q}\eta\ \chi\acute{a}\delta^{\acute{a}}kk\acute{q}\eta\acute{m}\acute{i}\acute{u}$ ‘ $f^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Das Weib vom Kazym, meine Grossmutter, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Женщина с Казыма, бабушка моя, **пришла=слышно**’.

(10) нен.

$m\acute{q}\acute{e}\eta\eta\acute{a}\beta\beta\eta\ \eta\acute{e}\eta\eta\acute{e}\eta\eta\beta$ ‘ $f^{\acute{a}}\acute{e}=\beta\beta\acute{o}\eta=\acute{t}\delta^{\acute{a}}$ ’ (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Die Fee der Paarungsstätte **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Хозяйка-дух места спаривания **пришла=слышно**’.

В примерах (6)–(10) представлены духи женского пола, восходящие к древнему культу «Матерей природы» и «обнаруживающие исключительную древность и крайнюю стабильность» [Симченко, 1996, с. 8].

В следующих ниже примерах (11)–(18) представлены духи мужского пола, имеющие, вероятно, более позднее происхождение в культуре оленеводов.

(11) нен.

ji'li'eēē-meāēē'ŋ'e jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Lebensmittelspender, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Lehtisalo, 1947, S. 479].

‘Дух-даритель съестных припасов, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(12) нен.

šib xārβ nām̄t' 'ōδδ^o jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden von sieben Lärchenbaumen meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Дух семи лиственниц, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(13) нен.

šēr' jāñ'i' ' nām̄t' 'ōδδ^o f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD= SG).

Den sitzenden Geist meines Eislandes **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Дух моей Ледяной страны **пришел=слышно**’.

(14) нен.

toχōt' t'ē'ñ'ñ'i' ' nām̄t' 'ōδδ^o jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden des toχōt'še-Stammes, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Дух рода Тохо, дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(15) нен.

t'ē' t'ē' t'ē'ñ'ñ'i' ' nām̄t' 'ōδδ^o t'axāββāñtē^o f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Sitzenden (Geist) des t'ē' t'ē' t'ē'še-Stammes hierauf **hörte man ihn kommen** [Ibid., S. 479].

‘Дух рода Тибице наконец-то **пришел=слышно**’.

(16) нен.

māñtū-k kǎēxā jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den Geist des māñtū-Stammes, **hörte man kommen** [Ibid., S. 480].

‘Дух рода Манту **пришел=слышно**’.

(17) нен.

jāēŋ' f'i-k xǎēššē jiri'kkōmī' ' ' f'ē=ββoη=τδ^o (прийти, прибыть=AUD=3SG).

Den jāēŋ' f'i-k-Geist, meinen Grossvater, **hörte man kommen** [Ibid.].

‘Яптик-хэхэ (дух), дедушка мой, **пришел=слышно**’.

(18) нен.

ŋājjērβ jirī-kkōmīmī'' taχàββāŋtā'' t'ē=ββoŋ=ɬā'' (прийти, приблизиться=AUD=3SG).
Den Todesgeist, meinen Grossvater, darauf **hörte man kommen** [Ibid., S. 479].
'Дух подземного мира, дедушка мой, затем **пришел=слышно**.

Призванные шаманом духи-помощники прибывают по воздуху, т. е. прилетают. Они сначала находятся вне чума, внутри которого осуществляется обряд, и уже из-за визуальной замкнутости чума не могут зрительно восприниматься участниками обряда, включая шамана. Но невидимыми духи-помощники шамана являются не поэтому, а по традиции духовной культуры и мифологического мировоззрения самодийцев.

Именно этот этап прибытия духов-помощников шамана отражен в сообщениях (6)–(18). Роль конечного (вершинного) сказуемого во всех этих сообщениях выполняет глагол *to* = 'прийти, прибыть'. Он употреблен в аудитивной форме, которая указывает на невидимость прибывших духов и на установление факта их прибытия шаманом по их звукам, которые способен непосредственно воспринимать только шаман.

Шаман, как правило, дополнительно оповещает участников обряда:

(19) нен.

jéχē-ī χεχēī! tāχaβāδa tō=ββqŋōn=tu'' (прийти, прибыть=AUD=3PL) *šālnē-rīdū'' mīm=mīē-nōn=tu''* (идти=AUD=3PL).

Jehei! Hehei! Dennoch **hört man sie kommen**, ihre fröhlichen Stimmen **hört man gehen** [Lehtisalo, 1947, S. 471].

'Jehei! Hehei! Все же они **пришли=слышно**, их веселые голоса **идут=слышно**.'

В дальнейшем прибывшие духи-помощники шамана проникают в чум сверху, через дымовое отверстие, спускаются вниз по священному шесту – симзы, располагаются внутри чума и присоединяются к участникам обряда, оставаясь при этом невидимыми и распознаваемыми непосредственно только шаманами и только по звукам. Это отражено ниже в примерах (20)–(24) шаманских сообщений.

(20) нен.

Jēčē-ēi! šīβm'' tōtāe mīn'leī močkōdānīn šārman'' ŋāmīa=βōn=īa (сесть, усесться=AUD=3SG).

Jēčē-ēi! Siebenflügligen Minlei an die Bindestelle der Rauchöffnung hörte man sich setzen [Ibid., S. 531].

'Jēčē-ēi! Семикрылый «минлей» (священная птица) на шест к дымовому отверстию чума **сел=слышно**.'

(21) нен.

šid'q'e·šīβ βīdūttaŋāŋā·šīmšj·pāŋtu'' jāmvārīn'' taŋtu'' ŋamtā·δa=ββqŋōŋ=tu'' (**присесть**=AUD=3PL).

Zwei(mal) sieben Schneidegeister die šīmšj-Zeltstange entlang, wie es sich gehört, **hörte man sich setzen** [Ibid., S. 474].

'Дважды семь духов-«выдутана» вдоль нижнего края симзы (священного шеста чума) **присели=слышно**.'

О количестве духов-помощников шамана Т. Лехтисало писал: «их число – семь, дважды по семь, даже четырежды семь» [Лехтисало, 1998, с. 127].

(22) нен.

miḱky-lece jiri-ḱḱōmī' βīβrōdōd χām̄m=βōη=τδ^ρ (спуститься=AUD=3SG)
ḱām̄t' u-ḱemī' mā<δη ḱīητэ'э.

Meines Grossvaters Mikkula Rauschen **liess sich hörbar herab** hinten im Zelte, wo ich sitze [Lehtisalo, 1947, S. 478–479].

‘Шум, (звук, шорох, шелест) моего дедушки Миккулая позади меня в чуме, где я сижу, **спустился=слышно**’.

(23) нен.

Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

śīd(ā) b'ēt jirikow(ā) ḱāni' ta'em' mā=monōn=ta (сказать=AUD=3SG):
«*śām̄t(ā)χāde ḱora namna!*»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» [Ibid., S. 471].

‘Мой великанский предок (букв. дедушка) так **сказал=слышно**: «Дымным ставший олень-самец, бычок-второгодок!»’ (Шаман, цитируя невидимого духа, вероятно, сообщает «непосвященным» участникам обряда о жертве, требуемой духами, и указывает масть, пол и возраст жертвенного оленя).

В следующем примере шаман также цитирует своих духов-покровителей:

(24) нен.

t'χə' amGē' ḱāššərmī'ḱī' māηq'ḱe ta'em' χāḱḱa=ββōη=tu (заговорить, повести речь=AUD=3PL): “*pōēd' u-dar ḱēkkākkar*”!

Jene meine Geliebten, so sagend **trugen sie vor**: “Hole doch für dich Atem!” [Ibid., S. 477].

‘Те мои дорогие (духи-покровители) так **повели речь=слышно**: «Переведи дух! Отдышись!»’

Если шаман непосредственно воспринимает и распознает своих невидимых духов-помощников, их действия и состояния на основании присущих им звуков, то другие «непосвященные» участники обряда узнают об этом опосредованно – из речевых сообщений шамана и, вероятно, по особенностям мелодики шаманских песен и звукам их музыкального сопровождения.

Известный специалист по музыкальной культуре самодийцев О. Э. Добжанская пишет: «Сакральная роль звука в культуре самодийцев ярко проявляется в шаманском обряде, где звук является средством коммуникации людей с миром духов, средством манифестации шаманских духов-помощников, имеет целительную силу. Другими словами, существует прямая корреляция звучащее / сакральное» [Добжанская, 2008, с. 11].

Эти выводы О. Э. Добжанской дополнительно обосновывают и положительно верифицируют нашу гипотезу о том, что коммуникативная потребность, обусловившая грамматикализацию семантики аудитива в диахронии самодийских языков, исторически сформировалась в сакральной сфере деятельности и общения самодийцев.

Выводы

Информативно документированные Т. Лехтисало тексты обрядовых песен ненецких шаманов дают лингвофактологические и историко-этнологические основания предполагать, что самодийский аудитив первоначально грамматикали-

зовался в сакральной коммуникативной сфере и его диахронически ранняя семантика отразила особенности сакрального общения камлающих шаманов с их невидимыми духами-помощниками. Поэтому диахронически ранняя грамматикализованная семантика аудитива была специфической и не совпадала с лексической семантикой глаголов слухового восприятия.

Во-первых, аудитив указывал на слуховое восприятие не любой ситуации, а только ситуации невидимой.

Во-вторых, аудитив указывал не на обычное слуховое восприятие, доступное простым «непосвященным» людям, а на особое сверхъестественное слуховое восприятие, доступное только шаманам.

Список условных обозначений и сокращений

AUD – форма аудитива; нган. – нганасанский язык; нен. – ненецкий язык; селк. – селькупский язык; энецк. – энецкий язык; SG – единственное число; 2SG – личный аффикс 2 л. ед. ч.; 3SG – личный аффикс 3 л. ед. ч.; 3PL – аффикс 3 л. мн. ч.

Список литературы

Буркова С. И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. С. 353–374.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник / Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 4–190.

Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Апекс, 2008. 271 с.

Ильина Л. А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы III Междунар. науч. конф. по самодистике (Ин-т филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г.) / Отв. ред. С. И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010. С. 99–106.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушикина Е. В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: Изд-во МГУ, 1980. 407 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 135 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 5–52.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с.

Симченко Ю. Б. Традиционные верования нганасан. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. Ч. 1. 216 с.

Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.

Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.

Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 322 с.

- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Uni. Press, 2004.
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977. 186 S.
- Künnap A. On the Enets Evidential Suffixes // *Linguistica Uralica*. XXXVIII. 2002. № 2. P. 145–153.
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947. 615 S.

References

- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2004.
- Burkova S. I. Evidentsial'nost' i epistemicheskaya modal'nost' v nenetskom yazyke [Evidentiality and epistemic modality in the Nenets language]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irreal'nost'* [Studies in the theory of grammar. Iss. 3: Irrealis and irreality]. Moscow, Gnozis, 2004, pp. 353–374.
- Dobzhanskaya O. E. *Shamanskaya muzyka samodiyskikh narodov Krasnoyarskogo kraya* [Shamanic music of the Samoyedic peoples of Krasnoyarsk territory]. Norilsk, Apeks, 2008, 271 p.
- Il'ina L. A. Samodiyskaya glagol'naya grammema auditiva i ee yukagirskiy analog [Samoyedic verbal grammeme with auditive meaning and its Youkaghir analogue]. In: *Materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf. po samodistike (In-t filologii SO RAN, 26–28 oktyabrya 2010 g.)* [Proceedings of the 3rd Intern. Sci. Conf. on Samoyed studies (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 26–28 October 2010)]. S. I. Burkova (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Lyubava, 2010, pp. 99–106.
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki, 1977, 186 p.
- Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1994, no. 3, pp. 92–104.
- Künnap, A. On the Enets evidential suffixes. *Linguistica Uralica*. XXXVIII. 2002, no. 2, pp. 145–153.
- Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku (tazovskiy dialekt)* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, MSU Publ., 1980, 407 p.
- Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 p.
- Lehtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of Jurak-Samoyedic (Nenets) People]. N. V. Lukina (Transl. from German and publ.). Tomsk, TSU Publ., 1998, 135 p.
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction in grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world languages]. Moscow, RSUH Publ., 2011, 672 p.
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyedic) grammar]. Leningrad, Institute of the Peoples of the North CEC of the USSR Publ., 1935, 131 p.
- Prokof'ev G. N. Nenetskiy (yurako-samoedskiy) yazyk [Nenets (Yurak-Samoyedic) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, 1937, pt. 1, pp. 5–52.
- Simchenko Yu. B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: Etnograficheskaya rekonstruktsiya* [The culture of deer hunters of Northern Eurasia: Ethnographic reconstruction]. Moscow, Nauka, 1976, 311 p.

Simchenko Yu. B. *Traditsionnye verovaniya nganasan* [Traditional beliefs of Nganasan people]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS Publ., 1996, pt. 1, 216 p.

Tereshchenko N. M. *Nganasanskiy yazyk* [Nganasan language]. Leningrad, Nauka, 1979, 322 p.

Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyedic) Language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p.

Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodiyskikh yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1973, 323 p.

Verbov G. D. *Dialekt lesnykh nentsev* [Dialect of the Forest Nenets]. In: *Samodiyskiy sbornik* [Samoyedic collection]. Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk, 1973, pp. 4–190.

Информация об авторе

Людмила Алексеевна Ильина, кандидат филологических наук

Information about the author

Lyudmila A. Ilyina, Candidate of Sciences (Philology)